Пикуль В.

19/II-91 г.

1991 - 19 февр. - с. 6

У последней черты

Валентин Пикуль не успел увидеть это интервью напечатанным...

Рига. Улица Весетас, дом 8, квартира 25, четвертый этаж...

Небольшая квартира заполнена книгами, уникальной генеалогической и библиографической картотекой, громадной коллекцией репродукций. Рядом с письменным столом, как в корабельной каюте, железная кровать, а на стене в изголовье прикреплена бескозырка, гюйс, фотография лихого, бравого моряка с тремя боевыми медалями на матросской форменке из фланели. То был снимок будущего писателя, сделанный в победном 1945 году на Северном флоте, где после окончания Соловецкой школы юнг ВМФ четырнадцатилетним мальчишкой начал Пикуль в 1943 году свою службу.

Писатель никогда и ни на кого не жаловался. Писал роман за романом. Долго болела и тяжело умирала первая жена. Не было денег, неоткуда было ждать помощи. От СП СССР — поддержки никакой. Как относились рижские власти? В канун 60-летия его наградили орденом «Знак Почета», и ни одна газета Риги не сообщила об этом. «Это ленинградский писатель, пусть там и поздравляют».

На краю его письменного стола я увидел небольшую медную фигурку верблюда.

— Всех писателей я разделяю на арабских скакунов и верблюдов. Первые домчатся до цели и сразу сдыхают, а иногда и не доходят. А над верблюдом все смеются, издеваются, а он тянет и тянет и к цели всегда доходит.

Знаете, что мною движет? Честолюбие. Я очень честолюбив. Ничего стыдного в этом нет. Вся русская армия, весь русский флот держались на честолюбии, чести.

— Валентин Саввич, а как вам работается последнее время? Наверное, гораздо проще — открыты архивы, спецхраны.

— Да, говорят, открыты... У меня есть две книги по расстрелу царской семьи. Двух комиссаров Временного правительства — Панкратова «С царем в Тобольске» и вторая — Быкова. В них вся правда. Или взять Распутина. Никакими архивами я никогда не пользовался, но всю литературу собрал, она у меня дома. Для книги о нем в основном использовал стенограммы допросов царских министров. Конечно, Арон Симанович у меня был, Пуришкевич, воспоминания многих других людей, связанных с царской фамилией. Мне порой историки говорят: а за что тебя били? Ты же нам ничего нового не открыл, ты сказал то, что нам уже известно из литературы. Но дело в том, что эта литература практически была вся уничтожена. Собери ее, отыщи, изучи и напиши. А никто не хочет, зато ругать мастеров очень много.

Когда работал над романом о генерале Моро, мне из Парижа прислали книгу Эрнеста Доде (их три брата было, если я не ошибаюсь, и все писатели), изданную в Париже в 1909 году. Так мне даже ее переводить не пришлось — вот на полке стоит русская периодика за 1909 год. Можете посмотреть — в том же году эта книга была переведена и опубликована в России. Вот так работали! Россия до революции занимала в Европе второе место по книгопечатанию после Германии и первое место в мире (!), побивая Америку, по частному предпринимательству. Нижегородская ярмарка — показатель успеха экономического развития России. А у нас все годы говорили о дореволюционной России — отсталая, сермяжная, лапотная, бабы да пьяницы. Черта с два!

Только по русской генеалогии выходило в России три журнала. А у нас ее запретили как буржуазную науку. Давали генеалогические справки только из родословной Пушкина, иногда Толстого, не углубляясь далеко.

— Валентин Саввич, страна переживает информационный взрыв — появились сотни новых газет, журналов. Вы нынешние газеты читаете?

— Иногда читаю. Но только не литературные. Просто не хватает времени. Много приходится читать старинной периодики. Смотрю только программу «Время». Понимаете, не надо было начинать с рубки виноградной лозы. Это не так просто, как кажется. Нажал кнопку на столе — завтра не пьем.

Начали не так. Вот если бы взяли и уничтожили равноправие женщины в нашей стране. Потому что равноправие так называемое запрягает женщину в оглобли, делает из нее лошадь, скотину. А женщина должна стоять на пьедестале выше мужчины, тогда и будет достигнуто истинное равноправие.

— Валентин Саввич, поговаривают о молодежном кризисе на флоте, так ли это?

— Я уже об этом говорил. Нужно возродить институт школы юнг. Ведь не секрет, что есть такие государства, как Аргентина, Бразилия, где никто не станет адмиралом, если он не был юнгой.

— Валентин Саввич, а кто ваши любимые писатели?

— Это очень сложный вопрос. Очень сложный. Есть какие-то любимые — Салтыков-Щедрин, из классики. Малышкин, безусловно, молодой Всеволод Иванов. Они заложили меня.

Из писателей-маринистов я выделил бы Николая Черкашина. Он извлекает какие-то темы, совершенно неизвестные. Молодец!

— Валентин Саввич, а чем вы сейчас заняты?

— Нужно с Паулюсом развязаться. Видите, лежит на лавке первый том нового романа о Сталинграде. Я не стал описывать детально ход сражений, битв. Зачем я в окопы полезу? Лучше Виктора Некрасова не написать. А политику я люблю. Сталинград ведь это только эпицентр. А я даю картину всего, что творилось в это время в Африке, Риме, Сингапуре, как отражались сталинградские события на мировой политике. А Паулюс — как собирательная историческая фигура, очень яркая. Единственное, что мне не удалось до конца выяснить,— это обстоятельства его трагической кончины. Странная история.

— А откуда вы брали сведения о тех событиях?

— Например, книга фон Гёрлица «Паулюс: я стою здесь по приказу», написанная по материалам, предоставленным сыном фельдмаршала, также офицером вермахта и изданная в ФРГ, где он проживал. Всего один экземпляр в нашей стране. Ее не выдают даже ученым. Мне через Финляндию достали. Я дал перевести. И должен сказать — многое, интересовавшее меня, там есть. А многого нет. Паулюс—центральная фигура событий, действительно автор плана «Барбаросса», офицер еще старой кайзеровской армии, жена — очень интересная личность — румынско-баварская боярыня, состоящая в родстве с русскими. Интересно.

— Вас не тянет на свою литературную родину, в Ленинград?

— Нет. Потому что он напичкан моими врагами. Меня там ненавидят.

— Только из-за этого?

— Да, в общем-то, из-за этого. Я сейчас вам объясню, почему я здесь оказался. Рига мне совершенно не нужна. Есть мой микромир, я в нем живу. Даже не знаю, что за ним творится. В Ленинграде, когда начал писать, жил на чердаке, да еще на уровне шестого этажа. Чтобы забраться в свою квартиру, надо было еще и в окно лезть. А квартиру не давали. Дали, вернее, одну комнатушку, и все. А жена-покойница (речь идет о первой жене писателя.— В. К.) говорит: «Не унижайся, давай я обменяю, поживем в Риге, там поработаешь». Ну а потом пошли год за годом. Как-то я попытался обратиться в Союз писателей насчет жилья. Там сразу поставили вопрос о моем исключении из СП СССР. Спасибо Витьке Конецкому, который был на том собрании и сказал, что это вас всех надо исключить из Союза писателей, а не Пикуля.

— Извините за нескромный вопрос: о вас не так-то часто пишут в наших газетах и журналах, а если и появляются где-то публикации, то зачастую в них подвергают сомнению все ваше творчество. И тем не менее книги Пикуля любят и читают миллионы советских и зарубежных читателей. Будет ли когда-нибудь написана книга о вашем пути в литературу, писательской, флотской и жизненной судьбе? Или уже, может быть, кто-то работает над таким произведением?

— Нет. И, знаете, почему? Боятся. Это первое. И, во-вторых, за такое дело должен взяться человек, хорошо знающий историю, чтобы он не на дилетантском уровне мог дать анализ романов. Конечно, такие люди есть. Но они боятся испортить свою карьеру. Ведь тем, кто о Пикуле отзывается хорошо, ходу нету. Поэтому и многие историки или ругают меня, или молчат вообще. Некоторые из них пытались в свое время за меня вступиться, но кончилось для них все это очень плохо. И началось это гонение с Веры Кетлинской, после публикации моего романа «Из тупика». У нее были друзья наверху, и, пока она не умерла, обо мне вообще предпочитали не писать ни в газетах, ни в журналах, всячески препятствовали выходу книг. Да и в последнее время не очень-то легко мне приходится.

Но меня это даже не огорчает. И вот почему: в тишине лучше работается. Был такой святой Нил Синайский, живший в XI веке. Не ручаюсь за дословность, но он говорил, что, наложив узду на челюсти своя, этим ты причинишь чувствительнейшую боль всем поносителям и хулителям своим. То есть Молчание. И это молчание — единственный способ борьбы, потому что они очень бы хотели, чтобы я им отвечал. А сколько людей умерло от инфарктов, связавшись с ними. Пускай. Мое дело — работать за столом. Сейчас смотрите: далеко не лучшие писатели кинулись на трибуны. Ну пускай лезут. Чем больше наболтают, тем меньше напишут.

— Не могли бы вы рассказать немного о себе?

— А я из Кагарлыка. Это под Белой Церковью, бывшее имение графини Браницкой. А по линии матери я скобарь. В двух случаях из крестьян украинских. Мама — Мария Константиновна Каренина, бабушка — Василиса Минаевна Каренина. Так что я от земли, от сохи, как говорится.

— Есть ли заветная тема, над которой хочется поработать?

— Венский конгресс, пожалуй. Я присматриваюсь к нему уже давно. Наши представления о нем связаны с немецким фильмом времен Гитлера «Конгресс танцует». Помню, смотрел его в молодости: много музыки, женщины красивые танцуют, а где-то там за кулисами Талейран и проворачивал свои дела.

Меня интересует, раз заговорили о Талейране, жена его племянника — герцогиня Димо. Она же в этих краях родилась, вот здесь, несколько километров отсюда, от Риги. Курляндская принцесса. По сути дела, автор мемуаров Талейрана — она, эта женщина. Вообще сейчас меня больше интересуют женщины в литературе, я о некоторых не так давно написал кое-что. Сейчас у меня выходит «Бабская книга». Заканчивается она вопросами акушерства и гинекологии. Княгиня Смарагда Голицына, урожденная княжна Кантемир, — основоположница научной гинекологии в России.

— А каково ваше отношение к историкам? Особенно нынешним?

— Ну вы такой сложный задали вопрос. Когда Институт военной истории взялся писать рецензию на книгу о генерале Моро, они испугались. Писал Гудков. Так вот, ссылки только на работы Тарле и Манфреда, Тарле и Манфреда. Все! Они не знали, кто такой Моро. Понимаете. А на самом деле я Наполеона и Моро писал по дореволюционной литературе — обширной, потерянной. Историки почему-то запнулись на этих вот Тарле и Манфреде, если говорить о французской истории. А ведь Тарле и Манфред — ярые бонапартисты. У нас делают вид, что не поняли. А на самом деле мы имеем дело с бонапартистской литературой.

Теперь, что касается русских историков. Я, например, выступил против того, чтобы Соловьева печатали миллионными тиражами. Письма были в газеты и журналы: мол, как это я, домработница, не могу подписаться на Соловьева? У меня сын растет!.. Она думает, что возьмет этого Соловьева, придет после работы, начнет читать, все понимая. Мне, историку, и то там трудно разобраться. Он же состоит сплошь из документов, очень труден для понимания. Почему бы не издать массовым тиражом Ключевского. Он прост.

...Выключаю диктофон. Перед глазами возникает исхудавшее лицо писателя с глубоко впавшими глазами, посеянные годами и бессонницами морщины.

31 страницу романа о Сталинградской битве не допишет уже никто.

16 июля для Пикуля был обычным рабочим днем. Где-то в семь вечера, как рассказывала мне его жена, Валентин Саввич лег на пару часов вздремнуть, чтобы засесть за стол на всю ночь. Он проснулся где-то около девяти вечера, резко встал, сделал шаг и упал возле своего письменного стола.

В. КОНДРИЯНЕНКО.

421